

Николай Никифоров: «Интернетизация не означает вседозволенности»

Глава Минкомсвязи Николай Никифоров в интервью РБК рассказал о подготовке к вступлению «закона Яровой», а также прокомментировал обвинения в адрес российских ИТ-компаний о вмешательстве в политику США

– Отвечает ли действующее российское законодательство тем изменениям, которые происходят в сфере ИТ и связи? Со стороны участников рынка нередко можно услышать, что регулирование не успевает за развитием технологий.

□– В России действует одно из самых современных законодательств в области регулирования связи. За последние пять лет нам удалось внедрить множество новых принципов регулирования. Радиочастоты теперь распределяются по прозрачному рыночному принципу – через аукцион, [это позволило] привлечь в бюджет почти 15 млрд руб. Внедрили принцип технологической нейтральности – за счет этого Россия совершила быстрый рывок в развитии технологии 4G, высокоскоростного мобильного интернета. Несмотря на масштабы нашей страны, мы занимаем второе место в мире (лидер – Гонконг. – РБК) по самым низким ценам на мобильный интернет и сотовую связь. Мы оптимизировали плату за частотный спектр: раньше ее вносили с каждой базовой станции, что работало против качества связи и интересов абонентов, потому что оператор старался ставить поменьше базовых станций. Теперь плата взимается по территориальному принципу. Таких примеров

МНОГО.

– Но, например, Медиакоммуникационный союз, объединяющий крупнейших операторов связи и медиахолдинги, недавно инициировал разработку инфокоммуникационного кодекса, который должен заменить все существующее законодательство отрасли. Как вы относитесь к этой идее?

– Хорошо, когда индустрия сама вносит предложения о том или ином регулировании. Идея инфокоммуникационного кодекса обсуждалась много раз и пять лет назад, и ранее. Главное, чтобы написание кодекса не стало самоцелью. Нужно понять, как от этого изменится жизнь в стране, какую пользу он принесет гражданам, бизнесу, экономике. Если такие составляющие в этом кодексе есть, он имеет смысл, если нет, то простая перекомпоновка юридических норм вряд ли целесообразна. Давайтеждемся предложений.

То, что мы видим большое количество разных норм, законодательных инициатив, связано с простым фактором – пять лет назад в России интернетом пользовались 46% населения, сейчас – около 75%. Десятки миллионов граждан России все время находятся в онлайн-режиме, выходят в интернет со смартфонов, планшетов и уже не представляют свою жизнь без этого. Меняются целые отрасли. При этом цифровизация, интернетизация, свобода передачи информации не означает вседозволенности. Инициативы законодателей направлены на то, чтобы вопросы безопасности, соблюдения прав и свобод граждан были перенесены в том числе и в цифровую среду.

– Некоторые инициативы в сфере регулирования обходятся участникам рынка достаточно дорого. Например, так называемый закон Яровой (обязывает операторов связи и интернет-компании с июля 2018 года хранить аудиозаписи разговоров и переписку пользователей) потребует от них серьезных затрат, и многие считают этот закон угрозой для всей телеком-отрасли. Вы с этой точкой зрения согласны?

– Мы находимся в открытом диалоге с операторами связи. Да,

соблюдение антитеррористических поправок в законодательство потребует дополнительных инвестиций. Для крупнейших операторов речь идет о десятках миллиардов рублей. Весь мир и наша страна оказались в условиях сложной технологической гонки с международными террористическими организациями. Эти поправки – вынужденная мера, которую предложили законодатели, чтобы защитить наших граждан, таким образом мы исполняем закон. Он в любом случае вступит в силу в этом году. Все нормативные акты будут в той или иной конфигурации приняты. Операторы знают, что зафиксировано в этих нормативных актах. Никаких радикальных изменений, связанных с вступлением в силу антитеррористического пакета, нет и не будет. □

– При упоминании «закона Яровой», как правило, речь заходит о «большой четверке», но есть малый и средний бизнес, который говорит, что для него это смерть.

– Нормативные акты проходили публичное обсуждение. Нельзя сказать, что кто-то остался в стороне. Капитальные затраты небольших операторов действительно могут быть более чувствительны, но закон гибкий, он позволяет реализовать изменения несколькими способами, в том числе в сотрудничестве с более крупными операторами.

– Более полугода в США звучат обвинения в адрес «Лаборатории Касперского», что компания сотрудничает с ФСБ, из-за чего ее продукты не должны использовать американские госорганы: якобы они могут представлять угрозу. Недавно ряд международных ИТ-компаний обвинили в сотрудничестве с российскими ФСБ и Федеральной службой по техническому и экспортному контролю: тот факт, что информация об уязвимостях доступна российским спецслужбам, якобы может нести угрозу для госорганов США, закупающих аналогичные продукты. Могут ли быть основания у таких обвинений? □

– Это не объективная оценка реальности, а продолжающаяся внутрисполитическая игра. Очень удобно все время показывать пальцем на мнимого внешнешнего врага, который куда-то

вмешивается. Звучит много беспочвенных, даже глупых обвинений, например о сотрудничестве ИТ-компаний с теми или иными спецслужбами. Поверьте, антивирусное программное обеспечение проходит такие сложные экспертизы, что любые закладки и несанкционированное предоставление информации были бы мгновенно выявлены. Никто не стал бы рисковать своим бизнесом ради этого. Давайте посмотрим на то, как обрабатывается информация. В основе есть компьютер, смартфон или планшет, на который установлена операционная система Google Android, Apple iOS, Microsoft Windows или Windows Phone. Они все произведены в США. Действия операционной системы остаются в тени, мы не можем их проследить. Из материалов так называемых разоблачений, которые были опубликованы в последние годы, мы увидели, что, оказывается, все эти компании (Google, Apple и Microsoft) плотно сотрудничают со спецслужбами, в том числе американскими. Они предоставляют незаконный доступ к информации миллионов пользователей (в 2017 году сайт WikiLeaks опубликовал данные ЦРУ США, в которых говорилось о глобальной программе для взлома устройств на операционных системах iOS, Android и Windows, чтобы превращать их в записывающие устройства. – РБК). Незаконный, потому что это не предусмотрено никаким международным правом. Мне кажется, что, когда появляются такие ни на чем не основанные обвинения, американские коллеги хотят обвинить других в том, что на самом деле делают сами.

Россия последовательно выступает за то, чтобы вопросы безопасного интернета, защиты персональных данных граждан были урегулированы на основе международных правовых актов. Мы подготовили конвенцию по безопасному интернету (первый вариант Правил поведения государств в сфере информбезопасности был подготовлен более 15 лет назад). Многие страны выражают солидарность и готовы ее поддерживать. Против таких документов выступают только так называемые западники.

– Есть ли со стороны правительства установка на то, чтобы все программное обеспечение и «железо» для хранения информации в

России должны производить только российские компании? Достаточно ли у них мощностей и возможностей – по организации производства ряда компонентов у нас по-прежнему «чистое поле».

– Если речь о протекционизме и создании рынка сбыта в контексте антитеррористического пакета законов, – конечно, он есть. Я уже упомянул, что каждый крупный оператор потратит несколько десятков миллиардов рублей на оборудование для хранения информации, чтобы соответствовать требованиям «закона Яровой». Сегодня степень локализации производства, может быть, не такая большая. Мы действительно не делаем целый ряд компонентов. Глобальное распределение рынка производства высокотехнологичных изделий таково, что мы никогда не будем делать 100% всех компонентов. Будем заниматься нашими ключевыми компетенциями – вопросами безопасности. Изначально все операторы взаимодействуют прежде всего с российскими интеграторами, российскими поставщиками конечного продукта.

Мы всегда были против каких бы то ни было ограничений или санкций. Единственное, где действительно применяем протекционизм, – это сфера государственных закупок. Мы считаем, что деньги российских налогоплательщиков не должны идти на приобретение зарубежных программных решений. В 2016 году заработал Реестр отечественного программного обеспечения, сегодня в нем уже более 4 тыс. российских программных продуктов. Мы не запрещаем государственному заказчику приобрести в том числе зарубежный продукт, но он должен объяснить эту необходимость. Антимонопольная служба может отменить тендер, потом с него спросит Счетная палата, возможно, закупкой заинтересуются правоохранительные органы. Благодаря такой мягкой силе протекционизма спрос на российские разработки в сфере программного обеспечения уже увеличился на миллиарды рублей. В России сильная ИТ-отрасль, есть собственные поисковые системы в интернете, социальные сети, разработки в области мобильных операционных систем, всемирно известных антивирусов и т.д. Очень небольшое число стран в мире может этим похвастаться.□

Читайте подробно на

